

Светлана Викторовна Оболкина

кандидат философских наук, научный сотрудник
сектора истории философии и науки,
старший преподаватель кафедры философии Центра
подготовки кадров высшей квалификации Института
философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия. E-mail: obol2007@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6644-104X

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМА АНТОНИМА

В работе предпринята попытка осмысления представлений о феномене коррупции, функционирующих в сфере повседневного опыта и обыденного мышления. Для этого используется анализ концепта, противоположного по смыслу концепту «коррупция». Отсутствие понятия, выражающего противоположность коррупции, означает и отсутствие понимания сущности антикоррупционных усилий. Автор критикует трактовку слов «честность» и «неподкупность» как действительно значимых антонимов-антиконцептов к слову «коррупция», полагая тем единым основанием, по которому может быть выстроена противоположность (векторный коррелят) коррупции, представление о власти. Полярный смысл целесообразно определять в концепте «совершенствование власти». Для аргументации этой позиции предпринят анализ категорий власти и насилия в русле той философской традиции, которая видит отношения власти и насилия обратными пропорциональными. На примерах из области политической философии фиксируются концептуальные последствия сближения или противопоставления этих понятий. Исследуются те морально-этические девиации, которые связаны с отождествлением власти и насилия. В первую очередь это касается трансформации морали в пруденцию. Анализируется роль особого рода мировоззренческих конструктов, паразитирующих в области глобальных обобщений. Они выступают важной частью пруденции современного человека. Вкупе с коммуникативной «закрытостью» это повышает уровень коррупциогенности личного и общественного сознания.

В качестве проблемы философско-теоретического анализа коррупции в работе выделяется утилитарно-экономический модус обсуждения антикоррупционных стратегий. Делается вывод о том, что приоритет подобного модуса оставляет гражданское сознание в области влияния пруденции, что означает невозможность достаточной саморефлексии в плане

антикоррупционных усилий. Отмечается важность актуализации философской позиции в отношении проблемы власти и насилия для формирования антикоррупционной резистентности общества.

Ключевые слова: коррупция, власть, насилие, коммуникативная теория власти, мораль, пруденция, мировоззренческие генерализации.

Когда самые разные области человеческого опыта «проницаемы» для определенного феномена, в языке это отражается хорошим узнаванием соответствующего концепта, то есть ментальной сущности, которая хранит набор знаний, представлений, переживаний и ассоциаций, связанных с конкретным фрагментом действительности (Кругликова 2001: 8). Таковым является и «коррупция» – слово, не имеющее строгой понятийной проработки, однако знакомое практически всем, что, разумеется, может вызывать только сожаление. Однако еще хуже то, что менее ясна ситуация с антонимом «коррупции». Наиболее часто встречающиеся модификации по типу «коррупция – антикоррупция» нам мало что дают для постижения смысла. «Существенные с точки зрения человеческой практики различия в предметах и явлениях объективного мира отражаются в языке как противоположность» (Львов 1984: 8), поэтому неузнавание противоположности «коррупции» означает, по сути, незнание практики, выступающей антагонистом практики коррупции.

Что обычно предлагается в качестве антонима «коррупции» (кроме «антикоррупции»)? Это «неподкупность» и «честность». Но «лживость» не суть коррупции (хотя вполне может сопутствовать). Если мы остановимся на антониме «неподкупность», то будем вынуждены сводить коррупцию к пороку взяточничества, что является довольно узким толкованием. Поэтому для нашего понимания сущности коррупции и борьбы с ней необходимо сосредоточиться на поиске содержания того, что может нести полярный по отношению к «коррупции» смысл. Поскольку антоним – это прежде всего лексическая категория, а для нас важно понятийное осмысление опыта, речь может идти, скорее, об антониме-антиконцепте. Антиконцепт может принадлежать другой категории, нежели исходный концепт. Значимо их противопоставление по единому основанию. Что же выступает единой смысловой средой с противостоящими полюсами, когда речь идет о коррупции?

Если мы обратимся к толкованию коррупции в строго этимологическом плане, то должны говорить о «порче» и «деградации» (лат. *corruption*) и, по всей видимости, иметь в виду процесс, а не его результат. Следовательно, полярный смысл несут слова «улучшение», «совершенствование» (тоже в качестве категорий процессуального характера). А поскольку в наших представлениях о коррупции речь всегда идет о правонарушениях, объединенных принадлежностью к той или иной форме власти, то антонимом-антиконцептом «коррупции» оказывается «совершенствование власти». Есть соблазн выдвинуть в качестве антиконцепта «совершенную власть», однако процессуальный характер терминов «порча», «деградация» и, с другой стороны, «улучшение», «совершенствование» снимает излишний оптимизм: мы можем располагать лишь асимптотическим приближением к «совершенной власти».

Хотелось бы подчеркнуть также, что концепт (как и антиконцепт) есть целостная семантическая единица, поэтому будет ошибкой просто «переворачивать» его составляющие, предложив антоним к каждому слову и получив при этом, к примеру, «несовершенную анархию» как антоним к «совершенной власти»; обращению подвергается смысл в целом. Таким образом, «совершенствование власти» выступает концептом, *который является антагонистом* концепту «коррупция»; само их противостояние возможно благодаря единому основанию – «власти». Следует понимать, что в режиме философского исследования под властью понимается не собирательный образ чиновников и/или правителей всех уровней. Это не та власть, которую принято ругать за какие-то действия или о бездействии которой принято сокрушаться, потому что в этом случае мы вынуждены вновь говорить о честности и неподкупности каких-то конкретных людей. Мы имеем в виду власть в более широком смысле: как систему отношений, коммуникаций и репрезентаций, вплоть до онтологического аспекта.

Кратологические исследования всегда предполагают погружение в проблему соотношения власти и насилия – их довольно трудно разделить в наших представлениях. Философия предпринимает попытки дифференциации подобных сближений и либо обосновывает их неперемнную взаимообусловленность, либо выдвигает аргументы против таковой.

В качестве примера первой позиции можно упомянуть политическую философию К. Шмитта. Его взгляды восходят к Т. Гоббсу и апеллируют к природе человека, суть которой и тот и другой усматривают в стремлении защититься. Гоббс называл себя и страх близнецами, поскольку мать родила его преждевременно, испугавшись нашествия Непобедимой армады. Шмитт также уверен, что в человеке по определению живет страх перед «чужим», и в этой «отрезвляющей» антропологической установке заключена сила его философской мысли: она оказывается применимой, увы, к очень многим явлениям социальной реальности. Философ подчеркивает, что человек всегда выстраивает свое отношение к окружающей социальной действительности, ориентируясь на различие «своих» и «чужих», а насилие – это естественная реакция на явление «чужого» (Шмитт 1992). Кроме того, Шмитт видит общество всегда в контексте чрезвычайности ситуации, когда насилие против угрожающего «чужого» оказывается единственным выходом сохранения «своего». Именно поэтому его философия обосновывает легитимацию насилия. Государство в этом случае становится практической реализацией принципа *«protego ergo oblige»* (защищаюсь, следовательно, подчиняюсь).

Мыслители, которые поддерживают позицию концептуальной синонимии насилия и власти, как правило, выдвигают тезис о перманентно существующей в обществе (и государстве) подобной «чрезвычайности». Возможно, именно этот момент играет свою роль и для В. Беньямина, который даже забастовку трактует как правоустанавливающее насилие (а не агрессию, что было бы точнее), хотя и рассуждает о символичности этого акта шантажа (Беньямин 2011: 120). М. Вебер, чья теория государства как монополиста на насилие сегодня очень популярна, в определенном смысле подразумевает подобную «чрезвычайность». В своей концепции он исследует типы власти и выделяет харизматический, традиционный и рационально-правовой типы, что имплицитно предполагает их разведение по принципу большей или меньшей вероятности применения неограниченных насильственных действий. Выбор рационально-правового типа оказывается выбором «меньшего зла», поскольку, по-видимому, философ не видит даже концептуальной возможности исключения насилия из сферы власти.

К числу философских традиций, объединяющих «власть» и «насилие», относятся и соображения метафизического или даже скорее теометафизического характера. Когда М. Хайдеггер настаивает, что творение связано с насилием, выдвигая конструкции «власти-деятельный» (*gewalt-tätig*), «власти-деятельность» (*Gewalt-tätigkeit*) (Хайдеггер 1998), он выбирает одно из нескольких немецких слов, перевод которых дает нам русское «власть»; в отличие от более прямого смысла *die Macht* (могущество), он использует *der Gewalt*. Это слово связано с коннотациями противостояния упрямству и жесткости; вторым после «насилия» значением *der Gewalt* выступают «давление» и «принуждение». То есть творчество мыслится Хайдеггером в духе метафоры насилия по отношению к исходному материалу, подобно делу плотничества. Здесь уместно упомянуть мысль Д. Кампера, выявляющего связь памяти, власти и насилия. «Дело в том, что ранние свидетельства сигнификации выдают способность, которая сегодня встречается крайне редко: способность почувствовать боль материала, на который наносятся знаки. Согласованность ощущений доходит до нерасторжимости. Разделение еще не свершилось: разделение между субъектом и объектом, которое запустит игру силы и власти» (Кампер 2010: 32). Кампер уловил эту страшную, но очень живучую обеспокоенность человека: забвение поглотит его, если он не причинит боль. «“Вжигать, дабы осталось в памяти: лишь то, что не перестает *причинять боль*, остается в памяти” – таков основной тезис наидревнейшей (к сожалению, и продолжительнейшей) психологии на земле» (Кампер 2010: 41). Таким образом, и в метафизической традиции объединения власти и насилия речь вновь идет о слабости и страхе. Но в отличие от этой линии Гоббс и Шмитт честнее: они не прикрывают эту неприглядность идеями «чистого» или «божественного» насилия. Статус «чистого» или «божественного» насилия далеко не всегда претендует на теологическую интерпретацию (в этом случае многие сторонники использования термина «божественное насилие» вынуждены были бы делать оговорку: «Кроме творения *ex nihilo*»), но практически всегда обещает предоставить нам желаемую концептуальную дистанцию от «нечистой» конкретики реального насилия. Благодаря концептуальному отождествлению с властью насилие как бы оказывается «за пределами добра и зла».

Примеры противоположной философской позиции, последовательно разводящей насилие и власть, тоже уже давно стали классикой кратологической мысли. Х. Аренд настаивает, что власть и насилие – антагонистичны, причем насилие не субстанционально, это лишь инструмент, к которому прибегает правление, теряющее полномочия (Арендт 2004). Власть не следует смешивать даже с понятием конфликта, подчеркивает С. Льюкс (Льюкс 2010: 44). Н. Луман, развивая коммуникационную теорию власти, показывает, что коммуникативные процессы связывают партнеров, каждый из которых реализует свой собственный выбор; это «селективные достижения». Большинство ситуаций предполагают обоюдно контингентную селективность. Поэтому фундаментальное условие власти (а также, по Луману, любви и истины) заключается в том, что неопределенность выборов Другого не только невозможно устранить, но крайне важно сохранить. Власть предполагает открытость другим возможностям действия, поэтому «становится более могущественной, если она оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается» (Луман 2001: 8-9).

Можно видеть, что Арендт и Луман не просто противостоят синонимии «власти» и «насилия», они мыслят в другой антропологической парадигме: дерзают надеяться на силу, а не слабость человека. Только сильный может допустить свободу Другого в отношении себя; слабый реализует психологию, о которой говорит Кампер. В этом аспекте особенно интересно упомянуть о современном концепте *soft power*. «Сила “мягкой” власти (*soft power*) действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат своего самостоятельного выбора. “Мягкая” властная сила достигает своих стратегических целей, не прибегая к внешнему материализованному насилию» (Русакова 2010: 174).

Это по необходимости обширное введение в проблему коррупции показывает, что существуют противоположные стратегии в отношении выбора антикоррупционных тактик. Если мы находимся в пределах первой парадигмы (обозначим ее как шмиттовскую), то власть, а следовательно и государство, по определению всегда будет выступать органом насилия, иначе

говоря, тем самым «чужим». В формах правления, с которыми по преимуществу имеет дело современность, это означает «расслоение» между гражданами «обычными» и гражданами, «облеченными властью». Взаимное недоверие, тактики контроля и наказания, балансируя между градусами «слишком слабо» и «слишком сильно», составляют в этом случае суть борьбы с коррупцией: властные органы искореняют ее у «чужого» – то есть в среде «обычных» граждан. Последние, в свою очередь, предпочитают видеть коррупцию «на верхах» и бороться только с ней, сетуя лишь на недостаток властных (то есть по преимуществу насильственных в данной парадигме) средств.

Иную по смыслу стратегию предполагает философская позиция, разводящая власть и насилие. Во-первых, их последовательная дифференциация дает основание для методологии кратологических исследований. Если выделить некоторую «единицу измерения» насилия, можно анализировать степень разложения конкретных государственных структур. Не бывает государства полностью «негодного», как и «совершенного», а значит, стоит говорить о степени, *мере* порочности, но для этого нужна единая шкала. Она выстраивается при рассмотрении власти и насилия как обратнo пропорциональных зависимостей. Во-вторых, если власть и коррупция предполагают обратнo пропорциональные отношения, то увеличение коррупции означает постановку вопроса о причинах и характере «маловластия». Анализ Лумана показывает, что подобная «властная недостаточность» означает уменьшение вариантов селективного выбора, закрытость субъекта власти перед перспективой неоднозначности решений. Коммуникация предполагает открытость. Власть, для того чтобы оставаться самой собой, ни в коем случае не должны превращаться в «черный ящик». Она осуществляется вполне конкретными процедурами – от самого низшего уровня (к примеру, отделами муниципального управления) до высшего, и все эти уровни должны предполагать прозрачность и понятность для каждого члена сообщества.

Однако важно понимать, что в закрытости процедур осуществления самых различных потоков государственного управления могут быть виновны не только управляющие органы, но и «обычные граждане» – во всяком случае сегодня, в

эпоху цифровой репрезентации власти, когда совсем несложно понять, «как все устроено». Но чаще всего те самые «обычные граждане» предпочитают «сакрализировать» и «демонизировать» эту область действительности, порождая целые пласты мифотворчества о темных закоулках государственной власти вообще и какой-нибудь местной в частности. Как часто граждане не посещают официальные сайты администраций собственных муниципальных образований с целью узнать темы и расписание общественных слушаний и насколько чаще источником знания выступают слухи и новостные каналы сомнительной репутации – подобное социологическое исследование было бы очень полезным. Власть как «черный ящик» оказывается самой подходящей средой для коррупционных действий. Для нашего общества актуальна эта проблема: менее всего мы склонны замечать «хорошую власть» в смысле нормального выполнения бюрократией ее управленческих функций, преимущественно потому что люди и не знают, как должна выглядеть эта «норма». Между тем речь идет о той грамотности, которая формирует базис гражданского общества.

Этимологически и содержательно важная приставка *кор-* в слове коррупция означает совместность действия. Х. Арент настаивает, что власть по определению выступает категорией групповой, общественной. Стоит добавить – как и коррупция. Виновными с точки зрения права становятся оба участника этой ситуации, что закономерно. Если понимать власть как принципиальное наличие свободы выбора, которую предлагается реализовать в направлении определенной селекции, то власть человека, которого чиновник вынуждает дать взятку, – это тоже его способность предоставить в ответ право выбора. Он тоже должен управлять селекциями коррумпированного чиновника и предлагать к реализации именно ту, которую считает самой рациональной. Вот здесь прозрачность и понятность того, «как все устроено» с точки зрения реального документооборота и конкретных процедур власти, оказываются необходимыми, а иногда и достаточными условиями антикоррупционной резистентности. На институциональном уровне взаимодействий в этом смысле одним из важнейших моментов выступает практика общественных слушаний, палат и союзов; в идеале понятия общества и государства неразличимы.

Но проблема коррупции и сопротивления ей не исчерпывается собственно стратегиями поведения в определенных ситуациях. Есть настолько глубокий уровень коррумпированности и «болезни маловластия», что его не затронуть конкретными знаниями о документообороте. Проблема в том, что коррупция перерастает в привычку и норму мировоззрения личности, и именно тогда труднее всего искореняется. Следует понимать, какую разрушительную роль в этом играет неразличение власти и насилия.

Вспомним еще одно редко используемое, но изначально существующее значение слова «коррупция»: «сворачивание». Оно фиксирует некую совместную деривацию по отношению к естественному развитию. Коррупция – это выход на какой-то иной круг действий, за пределы нормального хода вещей. Что это за усилия, если рассмотреть их в общекультурном и, одновременно, глубоко личностном контексте? Речь идет о некой коррозии морального свойства: человек обязательно должен счесть какое-то действие возможным (допустимым, приемлемым), чтобы реализовать его. Не существует морали (и этики) одного. Созидание и разрушение этой сферы – всегда совместные усилия. Особенно легко осуществляется такая трансформация морали, для которой нужно лишь *небольшое* смещение, небольшое из-вращение морального; это даже не демарш за пределы круга морали, а, скорее, движение «не в ногу». Мы, казалось бы, морально «в строю», мы идем вместе со всеми, но по своей надобности и в своем темпе. Для этого достаточно «отменить» само основание морали, оставив лишь ее императивность и высокий статус социально значимого феномена. О каком основании идет речь? О героической этике. «Добродетели героической этики являются необходимым условием для достижения каких-то универсальных, "внешних" человеку целей» (Фишман 2012: 227). «Риторика ли идентичности, риторика ли борьбы за равенство возможностей и социальные права, утратив связь с героической этикой, в равной степени оказываются обреченными на поражение» (Фишман 2012: 230). Героическая этика коренится в этике воина. «Не случайно первоначально политические права в античности получали только те, кто брал на себя гражданские обязанности служить и воевать. Управленческая элита и элита духа фактически отождествлялись.

Основная характеристика элиты духа – это исключительность в своей способности к самопожертвованию ради общего дела, что и создает авторитет для консолидации общества и моральное право решать за остальных» (Мартыанов 2010: 35).

Если героическое основание морали сохраняется, то в пределах активности мировоззренческой установки, сближающей власть и насилие, вектор героизма будет направлен против государственного целого. Это одно из оснований перманентного «подогрева» радикальных настроений в любом государстве и при любой форме правления. Однако в большинстве случаев мораль для граждан в условиях отчужденной власти становится областью не героических усилий, а сферой усилий выживания: выходит, что морально просто жить и, если уж и жертвовать чем-то, то во имя собственного счастья. Эта область пруденции, которая легко мимикрирует под мораль, поскольку, будучи связанной с бинарностью «хорошо/плохо», также управляет взаимоотношениями людей.

Понятие «пруденция» означает «благоразумие»; оно связано с *providentia* – предвидением, предусмотрительностью, предосторожностью в продвижении к благополучию. Глагол «*providere*» означает смотреть вперед, готовиться (от *pro* «вперед» + *videre* «видеть»). Известно правило «*prudent man rule*» – так называемое правило благоразумного человека. Оно (а вслед за ним и понятие «пруденция») было введено в оборот благодаря судебным процессам XVIII в. – начала XIX в., которые были связаны с доверительной собственностью (управления трастами). Однако история этики показывает, что ориентация на «правило благоразумия» как форму личной предусмотрительности не только всегда сопутствовала человеку, но и вносила определенный дисбаланс в этические системы. Для морали стоиков, к примеру, таким противоречивым элементом являлся принцип «надлежащего по обстоятельствам» (попускающего и каннибализм, и убийство родителей, и многое др.) (См.: Гаджикурбанова 2004). Проблемы, связанные с логикой отождествления намерения с предвидимыми последствиями, ограничения сферы ответственности намеренными действиями, невозможностью указать на основания, по которым какое-то действие является абсолютно недопустимым поступком и т.п., – это проблемы, сформировавшие этику добродетели,

которую в значительной степени можно считать философской рефлексией пруденции.

В сфере пруденции, которая выступает не этическими учениями, а основой нравственности, легко реализуется девальвация ценностей – и об этом знали довольно дано. В этом смысле показателен учебник, принадлежащий перу Яна Амоса Коменского «*Orbis pictus*» (1650), в котором на изобразительных примерах предлагается осваивать латинский язык и социальную действительность. Пруденция изображена в нем в виде двуликой римской богини в сопровождении змея (Comenius 1887: 224). Текст гласит: «*Omnia circumspexit ut Serpens, nihilq, agit, loquitur, & cogitat in cassum*». Предлагаемый перевод: «Со всех сторон нечто, как змей, который говорит и думает, что все есть ничто». Пруденция как форма нравственности легко становится областью таких мировоззренческих обобщений, которые превращают моральные ценности в «ничто», сохраняя при этом для личного и общественного сознания «божественный» облик неизвращенных представлений. На уровне личностного сознания пруденция чаще всего связана с мировоззренческими генерализациями.

Генерализации – это обобщенные суждения о любом классе объектов. Мировоззренческие генерализации интересны своей квазиобъективностью: в них индивидуальная оценка выступает в форме констатации истины, имеющей всеобщее значение (например, «все мужики сволочи»). Сама эта форма несет защитные функции для сознания, подверженного моральной коррозии. Утверждения формулируются как суждения о самом мироустройстве: не «будучи чиновником, я брал бы взятки», а «все берут». Мировоззренческие генерализации, подчеркивают исследователи, гораздо больше говорят о личности того, кто их высказывает, чем о том, как устроен мир (Леонтьев 2003). Пруденция, специфическая форма моральных представлений, основывается на мировоззренческих генерализациях. Если «все берут», глупо и неосторожно подвергать такое мироустройство испытанию собственной неподкупностью. Наличие мировоззренческих генерализаций в отношении коррупции («все берут») маркирует наличие в обществе целой культуры «безвластных», то есть социума, в котором люди не столько реально от власти отстранены, сколько поддерживают идею о

власти, сосредоточенной в руках государства как некоего угрожающего Чужого; оно, собственно, и оказывается злым демидургом, созидающим такой вот безблагодатный мир.

Феноменальная устойчивость коррупции коренится в проигрыше пруденции со стороны морали. А. Хайденхаймер предлагает разделить коррупцию на «белую», то есть действия, которые не считаются предосудительными, «серую», относительно которой возможно разногласие, и «черную», осуждаемую всеми (Heidenheimer 2005). В сфере действия пруденции – не только «белая коррупция» всегда будет благом, но чаще всего и «серая»; виновником же «черной коррупции» всегда будут достаточно высокие (то есть максимально «демиургические») властные структуры. Но, по сути, само это градуирование коррупции говорит нам не столько о том, «как все устроено», сколько об активности логики пруденции в противовес морали – причем даже в исследовательских установках. И это важная проблема. Если анализировать самые общие тенденции в теоретических работах, можно увидеть, что чаще всего предлагается такая стратегия противостояния коррупции, которая развивается в логике утилитаризма, а это чаще всего означает опору на пруденцию, а не на мораль. Утверждается, например, в качестве общепринятого для европейского сообщества, что целью антикоррупционной деятельности является задача превращения коррупции из деяния с минимальным риском и максимальной выгодой в деяние с максимальным риском и минимальной выгодой (Deiters 2005). Во многом это обстоятельство детерминировано историческими перипетиями термина «*corruptio*». Коннотации «порчи», «извращения» и «грязи» отошли на второй план еще в римской (и ранневизантийской) практике: *corrumpere* – «наносить ущерб» – приобрело утилитарный смысл. «Римская система управления вообще и ранневизантийская в частности строилась на принципах, связанных с понятием “общественная польза”. Нарушения в сфере управления приводили к ущербу, который мог быть переведен в финансовую плоскость, становясь таким образом одним из видов дополнительного расхода. Поэтому понятие коррупции в источниках зачастую связано с финансовым ущербом» (Серов 2000: 32). Экономическая заинтересованность сама по себе является той ценностью, которая имеет свойство девальвировать остальные ценности – даже в армии в условиях военного вре-

мени этика героизма с легкостью может уступить свои позиции вполне тривиальным коммерческим интересам (См.: Луньков 2016). Примеры того, как проблема анализа коррозии власти почти незаметно «сползает» в экономическую (утилитарную) плоскость, многочисленны. Вот еще один из них: «Правовое государство основывается на независимой системе юстиции, которая выносит свои решения открыто и независимо от влияния вышестоящих инстанций и материального положения людей. <...> И сегодня в основном молодые люди, ориентированные на собственный труд и не имеющие связей, покидают свою страну с тем, чтобы найти себе достойную работу с достойной зарплатой, которая доступна на родине тем, кто принадлежит к определенным кланам, регионам, семьям и политическим партиям. Покидают страну потому, что там господствует экономическая ориентация на нетрудовые доходы. В странах с ориентацией на нетрудовые доходы наблюдается так называемая “голландская болезнь” с высокой долей безработицы и высокой разницей в доходах. Там расцветает коррупция» (Fuhmann 2011). Нужно осознать, что такие антикоррупционные усилия лишь оставляют нас в области влияния пруденции. В этом случае нам меньше всего стоит ожидать саморефлексии и антикоррупционных самоусилий. Потому что коррупционер – это «всегда кто-то Другой, а я всего лишь выживаю, как могу, и это морально по определению». Все предлагаемые антонимы коррупции в этом случае будут сосредоточены на этом Другом – от него ожидают, чтобы он стал, наконец, «добрым хозяином». Но действительно важно лишь то, чтобы каждый человек был хозяином общества, разделяя бремя власти. Выражение «у нас плохая власть» должно говорить нам о несоответствии реальной власти своему понятию, а не только о порочности каких-то личностей. Коррупция получит свое истинное лицо, когда его получит и ее антоним-антиконцепт, связанный с понятием улучшения, развития, совершенствования власти как таковой, и государственной в частности.

Материал поступил в редколлегию 29.10.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арендт Х. 2004. О насилии // Мораль в политике : хрестоматия / под ред. Б.Г. Капустина. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. С. 312-378.

Беньямин В. 2011. К критике насилия [Электронный ресурс] // Культиватор. № 1. С. 114-126. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/kultivator-1> (дата обращения: 25.10.2018).

Гаджикурбанова П.А. 2004. Специфика стоической трактовки добродетели (понятие «надлежащего по обстоятельствам») // Этическая мысль / под ред. А.А. Гусейнова. М. : Ин-т философии РАН. Вып. 5. С. 128-142.

Кампер Д. 2010. Тело. Насилие. Боль : сб. ст. : пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Савчука. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманист. акад. 174 с.

Кругликова Е.А. 2001. Историко-культурный аспект описания концептов // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщений конф. (Смоленск, 19-20 июня 2001 г.) / отв. ред. И.А. Королева. Смоленск : Смол. гос. пед. ун-т. Ч. 1: Лексика и фразеология. Терминология. С. 7-11.

Леонтьев А.Н. 2003. Становление психологии деятельности: ранние работы. М. : Смысл. 439 с.

Луман Н. 2001. Власть. М. : Праксис. 256 с.

Луньков А.С. 2016. Философский анализ теории и практики борьбы с коррупцией в русской армии в конце XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с международ. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 89-102.

Львов М.Р. 1984. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз. 384 с.

Льюкс С. 2010. Власть: Радикальный взгляд. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 240 с.

Мартьянов В.С. 2010. Инволюция элиты в обществах Модерна // Полит. экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 6, № 3. С. 34-56.

Русакова О.Ф. 2010. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 10. С. 173-192.

Серов В.В. 2000. Административная политика ранней Византии: I. Антикоррупционные меры // Античная древность и средние века : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. Вып. 31. С. 31-44.

Фишман Л.Г. 2012. Героизм и универсализм // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 12. С. 227-234.

Хайдеггер М. 1998. Введение в метафизику. СПб. : НОУ – «Высш. религиозно-филос. шк.». 302 с.

Шмитт К. 1992. Понятие политического // Вопр. социологии. № 1. С. 37-67.

Comenius J.A. 1887. Orbis pictus [Электронный ресурс]. Syracuse, N. Y. : C.W. Bardeen, Publ. 240 p. URL: <https://archive.org/stream/cu31924032499455#mode/2up> (дата обращения: 25.10.2018).

Deiters M. 2005. Die UN-Konvention gegen Korruption – Wegweiser für eine Revision der deutschen Strafvorschriften? // Politische Vierteljahresschrift: Zeitschrift der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft. Sonderheft. H. 35. S. 424-443.

Fuhrmann W. 2011. Korrupcion – darunter leiden alle! [Электронный ресурс], 26 Februar. Potsdam. URL: <https://docplayer.ru/86341307-Korrupcion-darunter-leiden-alle.html> (дата обращения: 25.10.2018).

Heidenheimer A.J. 2005. Perspectives on Perception of Corruption // Political Corruption: concepts and contexts / Arnold J. Heidenheimer and Michael Johnston (eds.). Third Edition. New Brunswick (USA) and London (UK) : Transaction Publishers. P. 141-154

Svetlana V. Obolkina, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Philosophy Department, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russia. E-mail: obol2007@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6644-104X

CORRUPTION IN THE SYSTEM OF GENERAL CULTURAL REPRESENTATIONS: ANTONIM PROBLEM

Abstract. The article attempts to comprehend the concept opposite in meaning to the concept of “corruption”. The analysis of the existing antonyms, and the formation of the antonym-anticonception is more relevant than ever, since the word marks a certain social practice. The absence of a concept expressing the opposite of corruption means a lack of understanding of the essence, and anti-corruption efforts. The author criticizes the notions of “honesty” and “integrity” as really significant antonyms of anti-concepts in relation to “corruption”, offering to understand the idea of power as a basis, on which the opposite of corruption can be interpreted. It is assumed that the performed power has a polar sense.

To argue this position, analysis of the relationship between the categories of power and violence has been performed using examples from the field of political philosophy through understanding the conceptual implications of bringing these concepts together, or opposing them. The moral and ethical deviations associated with the identification of power and violence are investigated. First of all, the transformation of morality into a prudence is concerned. The role of special kind of mythology parasitizing in the field of global generalizations is analyzed. Worldview myths regarding power are an important part of the modern person’s *prudencia*. Coupled with the communicative “closeness”, it increases the level of corruption in personal and social consciousness.

The utilitarian-economic mode of discussing anti-corruption strategies is highlighted as the problem of the philosophical and theoretical analysis of corruption. It is concluded that the priority of such a mode is left to civil consciousness in the field of influence of *prudencia*. This means the impossibility of sufficient self-reflection in relation to anti-corruption efforts. The importance of updating the philosophical position regarding the problem

of power and violence for the formation of anti-corruption resistance of society is noted.

Keywords: corruption; power; violence; communicative theory of power; morality; prudential; worldview generalization.

References

Arendt H. *O nasiliy* [On Violence], *Kapustin B.G. (ed.) Moral' v politike : khrestomatiya*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, pp. 312-378. (in Russ.).

Benjamin W. *K kritike nasiliya* [Critique of Violence], *Kul'tivator*, 2011, no. 1, pp. 114-126. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/kultivator-1> (data obrashcheniya: 25.10.2018). (in Russ.).

Camper D. *Telo. Nasilie. Bol'* [Body. Violence: Pain Digest of articles], St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2010, 174 p. (in Russ.).

Comenius J.A. *Orbis pictus*, Syracuse, N.Y., C.W. Bardeen, Publ., 1887, 240 p., available at: <https://archive.org/stream/cu31924032499455#mode/2up> (accessed October 25, 2018).

Deiters M. *Die UN-Konvention gegen Korruption – Wegweiser für eine Revision der deutschen Strafvorschriften?* [The UN Convention Against Corruption-A Guide to a Revision of the German penal code?], *Politische Vierteljahresschrift: Zeitschrift der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft*, 2005, special iss., vol. 35, pp. 424-443. (in German).

Fishman L.G. *Geroizm i universalizm* [Heroism and Universalism], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2012, iss. 12, pp. 227-234. (in Russ.).

Fuhrmann W. *Korruption – darunter leiden alle!* [Corruption – everyone suffers from it!], February 26, 2011, Potsdam, available at: <https://docplayer.ru/86341307-Korruption-darunter-leiden-alle.html> (accessed October 25, 2018). (in German).

Gadzhikurbanova P.A. *Spetsifika stoicheskoy traktovki dobrodeteli (ponyatie «nadlezhashchego po obstoyatel'stvam»)* [Features of the stoic interpretation of virtue (the concept of « right circumstances»)], *Guseynov A.A. (red.) Eticheskaya mysl'*, Moscow, Institut filosofii RAN, 2004, iss. 5, pp. 128-142. (in Russ.).

Heidegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to Metaphysics], St. Petersburg, NOU – «Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola», 1998, 302 p. (in Russ.).

Heidenheimer A.J. Perspectives on Perception of Corruption, *Heidenheimer A.J., Johnston M. (eds.) Political Corruption: concepts and contexts*, Third Edition, 3 ed., New Brunswick (USA), London (UK), Transaction Publishers, 2005, pp. 141-154.

Kruglikova E.A. *Istoriko-kul'turnyy aspekt opisaniya kontseptov* [Historical and cultural aspect of the concept description], *Koroleva I.A. (resp. ed.) Raznourovnevyye kharakteristiki leksicheskikh edinits : sb. nauch. st. po materialam dokl. i soobshcheniy konf. (Smolensk, 19-20 iyunya 2001 g.)*, Smolensk, Smolenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2001, pt. 1, pp. 7-11. (in Russ.).

Leontyev A.N. *Stanovlenie psikhologii deyatel'nosti: rannie raboty* [Formation of psychology of activity: early works], Moscow, Smysl, 2003, 439 p. (in Russ.).

Luhmann N. *Vlast'* [Trust and Power], Moscow, Praksis, 2001, 256 p. (in Russ.).

Lukes S. *Vlast': Radikal'nyy vzglyad* [Power a radical view], Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshaya shkola ekonomiki, 2010, 240 p. (in Russ.).

Lunkov A.S. *Filosofskiy analiz teorii i praktiki bor'by s korruptsией v russkoy armii v kontse XIX – nachale XX v.* [Philosophical analysis of theory and practice of the fight against corruption in russian army in late XIX – beginning of XX century], *Rudenko V.N. (ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 89-102. (in Russ.).

Lvov M.R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language], 2nd ed., amend., augm., Moscow, Russkiy yazyk, 1984, 384 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Involutsiya elity v obshchestvakh Moderna* [Involution of the elite in the societies of the Modern], *Politicheskaya ekspertiza : POLITEKS*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 34-56. (in Russ.).

Rusakova O.F. *Kontsept «myagkoy» sily (soft power) v sovremennoy politicheskoy filosofii* [The Concept of “Soft Power” in Contemporary Political Philosophy], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, iss. 10, pp. 173-192. (in Russ.).

Schmitt C. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political], *Voprosy sotsiologii*, 1992, no. 1, pp. 37-67. (in Russ.).

Serov V.V. *Administrativnaya politika ranney Vizantii: I. Antikorruptsionnyye mery* [Administrative policy of the early Byzantine Empire: I. Anti-corruption measures], *Antichnaya drevnost' i srednie veka : sb. nauch. tr.*, Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000, iss. 31, pp. 31-44. (in Russ.).